

9. Второй съезд РСДРП.—Итоги.

«Искра», как мы видели, должна была выполнить также организационную задачу — собрать активные силы революционной социал-демократии и затем на основе их восстановить или, вернее, создать партию. «Искра» выполнила и эту задачу, по крайней мере, сделала очень много для того, чтобы задача эта могла быть выполнена. Агитационно-организационное значение ее было громадно. Попадая на места, «Искра» будила революционную мысль, ставила перед нею новые задачи, разбивала старые предрассудки, разоблачала опасные уклоны, бил врагов рабочего класса. Все чуткие элементы партии, и раньше находившиеся в состоянии брожения, быстро стали собираться вокруг своей газеты-центра и составили то ядро, вокруг которого могло быть начато создание партии. Литературную работу «Искры» дополнили ее «агенты», в большинстве наиболее персонально выдающиеся практики движения, которые начали борьбу за влияние в местных организациях, образуя ударные группы в качестве ячеек будущих партийных комитетов. Плодотворные результаты этой работы не замедлили сказаться, и один комитет за другим стали заявлять о своем присоединении к «Искре». Наиболее крупное значение имело присоединение в 1902 г. петербургского комитета, долгое время находившегося в руках «экономистов» разного толка, и группы «Южный Рабочий», пользовавшейся большим влиянием на юге России.

Параллельно этому собиранию сил «Искрой» шли попытки объединения, исходившие, главным образом, от разных заграничных групп. Так, летом 1901 г., по инициативе группы «Борьба» (Рязанов, Стеклов, Смирнов-Гуревич), состоялось в Женеве совещание заграничных с.-д. организаций («Союза русских с.-д.», «Революционной организации Социал-Демократ», «Бунда» и «Борьбы»), для выработки условий соглашения. Искровцы требовали на этом совещании определенного отмежевания от оппортунистических течений. Представители правого крыла («Союз» и «Бунд») сперва согласились принять это условие, но затем повели наступление на «Искру», так что состоявшееся вскоре второе совещание в Цюрихе не только не привело к объединению, но закончилось уходом левых. В следующем, 1902 г., по инициативе заграничного «Союза» и «Бунда», начата была подготовка к созыву партийного съезда. «Искра» присоединилась к этому почину, но, делегировав в качестве своего представителя Дада, поставила условием, чтобы вместо съезда состоялась конференция, которая приняла бы меры к созыву действительного съезда. Конференция эта состоялась в марте 1902 г. в Белостоке в присутствии представителей заграничного «Союза», «Бунда», «Искры», «Южного Рабочего» и петербургского комитета, и образовала организационный комитет по созыву партийного съезда. После-

довавшие затем провал и арест организационного комитета, прервали на короткое время дело созыва съезда, но уже в ноябре 1902 г. организационный комитет был восстановлен соглашением группы «Искры» с «Южным Рабочим» и петербургским комитетом, который к тому времени стал «искровским». Было созвано совещание, на которое прибыли представители «Искры», «Южного Рабочего», петербургского комитета, киевского комитета и северного союза. Таким образом, инициатива и организация съезда перешли к группе «Искра».

В извещении Организационного Комитета о его образовании указывалось, что главной задачей его является «подготовка условий для созыва партийного съезда, и так как созыв съезда требует значительного времени, то Организационный Комитет до восстановления центральных органов партии берет на себя выполнение некоторых общих функций (выпуск обще-русских листов, общий транспорт и техника, установление связей между комитетами и проч.). Этим самым фактически до съезда принимались меры к созданию партийного центра, которым временно должен был быть Организационный Комитет, а также ускорилось объединение вокруг искровского течения и усиливалось влияние «Искры», как на местные комитеты, так и на состав будущего съезда. Почва для такого влияния была уже подготовлена, и в первые же месяцы Организационный Комитет был признан во всех своих функциях целым рядом местных организаций.

Работа по подготовке «съезда» шла успешно, и в августе 1903 г. состоялся (сначала в Брюсселе, потом в Лондоне) второй съезд РСДРП. Из 27 организаций, за которыми было признано право на участие в съезде, прислали своих представителей 26 организаций (группы «Освобождение Труда», «Искра», «Заграничный Союз русских с.-д.», «Лига революционной социал-демократии», группа «Южный Рабочий», заграничный комитет «Бунда», центральный комитет «Бунда», петербургский комитет, петербургская рабочая организация, комитеты—московский, харьковский, киевский, одесский, николаевский, крымский, донской, екатеринославский, саратовский, тифлисский, бакинский, батумский, уфимский, тульский, союзы—горнозаводских рабочих, северный и сибирский). Всего на съезде присутствовало 43 делегата с решающим голосом, из них 30—от местных организаций.

Мы уже отчасти коснулись выше работ съезда, поскольку говорили о принятых им программе и некоторых резолюциях. Так как в нашу задачу не входит специальное изложение прошлого партии, то мы остановимся здесь только на двух вопросах, отношении к которым съезд имело крупное значение для будущего нашего революционного движения,—на организационном вопросе и на вопросе об отношении к либеральным партиям.

По последнему вопросу съезду было предложено две резолю-

ции—Потресова и Плеханова. Резолюция Потресова, исходя из принятого программой положения, что партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, допускала временные соглашения с либеральными и либерально-демократическими течениями, при том, однако, условия, что, во-первых, эти течения ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на точку зрения российской социал-демократии, что, во-вторых, они не выставляют в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии, вообще, или затемняющих их сознание, и что, в третьих, своим лозунгом борьбы они делают всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право. Резолюция Плеханова признавала, что партия должна поддерживать буржуазию, поскольку последняя является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом, и потому должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; вместе с тем резолюция ставила партии в обязанность разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность и, в частности, рекомендовала обращать внимание рабочих на антиреволюционный и противопролетарский характер «освобожденческого» направления (Струве). Несмотря на то, что обе резолюции исходили из необходимости поддержки движения либеральной буржуазии, позиции их принципиально различны: первая резолюция выдвигает на очередь временное соглашение, вторая о соглашениях ничего не говорит и подчеркивает необходимость разоблачения ограниченности освободительного движения буржуазии, в особенности оттеняя антиреволюционный и противопролетарский характер «Освобождения», т. е. того именно из буржуазных течений, временные соглашения с которым и могла только иметь в виду первая резолюция. Тем не менее, съезд принял обе резолюции.

Организационный вопрос, вопрос о том, как строить партию, в особенности остро стоял на съезде. Царившее до того «кустарничество» в работе мало кого удовлетворяло, вместе с тем очень немногие даже из «экономистов» могли рекомендовать строить партию, по необходимости нелегальную, на началах демократизма, выборности, широкого приема в партию и т. д. Еще группа «Освобождение Труда» стояла на той точке зрения, что партия должна быть строго законспирирована, централизована и в основном своем ядре состоять из профессионалов-революционеров, т. е. из людей, всецело отдавшихся революционной работе и находящихся всецело в распоряжении партии. Плеханов, уже во времена «Искры», требуя создания «крепкой боевой организации», имел в виду организации «того типа, который существовал в России во второй половине семидеся-

тых и в начале восьмидесятых годов (организации обществ «Земля и Воля» и «Партии Народной Воли») и которые оказали тогдашним русским революционерам такие огромные, неоцененные услуги»—т. е. Плеханов также имел в виду централизованную организацию, главным образом, профессиональных революционеров, каковой была организация и «Земли и Воли», и «Народной Воли». Ленин в брошюре «Что делать», направлявшей свои удары против «кустарничества», стоял на такой же позиции. «Я утверждаю—писал он:—1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); 3) что такая организация должна состоять, главным образом, из людей профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране, чем более мы сузим состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет выловить такую организацию, и 5) тем шире будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем».

Проект устава партии, внесенный на съезд Лениным, был построен на таких же основных началах. Партия создавалась на основе строгого централизма, причем предусматривалось два центра—Центральный Комитет (ЦК) и редакция центрального органа (ЦО). ЦК объединяет и направляет деятельность партии, утверждает местные комитеты и т. п.; ЦО руководит партией идейно. Совет партии, который должен был назначаться съездом из числа членов ЦК и ЦО в числе пяти лиц, имел задачей не только разрешение разногласий между ЦК и ЦО, но также возобновление состава ЦК в случае его провала, т. е. ЦО получал в определенном случае возможность влиять на состав ЦК; далее местные организации должны были подчиняться постановлениям не только ЦК, но и ЦО, как и не только в ЦК, но и в ЦО они должны были доставлять все средства для ознакомления со всею их деятельностью и со всем их личным составом.

После обсуждения съездом, проект Ленина в этих частях подвергся следующим изменениям. В состав совета входят по два представителя от ЦК и ЦО, а пятый член избирается съездом—таким образом, исключена возможность преобладания в совете ЦК или ЦО, что допускалось проектом Ленина; исключена обязательность подчинения местных организаций постановлениям ЦО. Таким образом, роль ЦО была несколько сокращена, но в основном сохранено было построение Ленина.

За всем тем оставался еще один вопрос, которому суждено было сыграть роковую роль не только на съезде. Это—вопрос о том, кого следует считать членом партии. Проект Ленина отвечал на это таким образом: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Съезд отверг эту редакцию и принял другую (Мартова), согласно которой членом партии считается «всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». Различие этих редакций очевидно. Редакция Ленина приближалась к тому, чтобы считать членом партии только тех, кто в ней фактически работает. Окончательно принятая редакция включала в партию также лиц, которые фактически стоят вне организации и только регулярно оказывают ей ту или иную помощь. Вокруг этого вопроса разгорелись особенно страстные споры. Противники точки зрения Ленина (Мартов, Аксельрод, Троцкий и др.) доказали, что нужно разграничить понятие партии и организации. «Мы создаем, конечно,—говорил Аксельрод,—прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя и, быть может, не совсем активно примыкающих к этой партии». Плеханов поддерживал Ленина с той точки зрения, что формулировка Ленина облегчает борьбу с оппортунистическими течениями. «Рабочие, желающие вступить в партию, не побоятся войти в организацию,—говорил Плеханов.—Им не страшна дисциплина. Побоятся войти в нее многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом, но это-то и хорошо. Эти буржуазные индивидуалисты являются обыкновенно также представителями всякого рода оппортунизма. Нам надо отдалять их от себя. Проект Ленина может служить оплотом против их вторжения в партию».

В этом вопросе точка зрения Ленина не восторжествовала и принята была редакция Мартова, но в остальном устав партии был принят на основании ленинского проекта со строгим централизмом. Сторонники Ленина получили также большинство при выборах руководящих органов партии—ЦК и ЦО. В частности, сторонниками Ленина было внесено предложение о переизбрании редакции «Искры», которая признана была центральным органом партии, с уменьшением состава ее с шести до трех лиц, причем персонально из состава старой редакции в новую были предложены Ленин, Мартов и Плеханов. Поддерживая это предложение, Ленин говорил, что речь идет об организационном закреплении того влияния на ЦК, борьба за которое до тех пор составляла всю деятельность «Искры». Мартов, отказавшийся войти в новую редакцию при таких условиях, указывал, что только в своем старом составе редакция может

ручаться, что права, предоставленные ей уставом, не послужат ко вреду для партии. Съезд большинством признал необходимым избрать редакцию в составе трех лиц и, когда Мартов отказался, в редакцию «Искры» были избраны Ленин и Плеханов.

Разделение съезда на большинство и меньшинство превратилось впоследствии в деление на «большевиков» и «меньшевиков». Однако, на первых порах обе стороны не допускали, что разногласия приведут к расколу. «Раньше мы расходились,—писал Ленин,—из-за крупных вопросов, которые могли иногда даже оправдать и раскол, теперь мы сошлись уже на всем крупном и важном, теперь нас разделяют лишь оттенки, из-за которых можно и должно спорить, но нелепо и ребяческим было бы расходиться». Наличие разногласия Ленин сводил «не к программным и не к тактическим, а лишь к организационным вопросам». Мартов, подводя итоги съезда, также утверждал, что «в рядах партии господствует единство по основным вопросам партийной программы и тактики», как и по вопросу об организации партии на началах централизма. По мнению Мартова, «нет еще единства ни по вопросам о методах проведения в жизнь новых организационных принципов, ни по вопросу о пределах и характере возможной и полезной для социал-демократического движения централизации». Но, думал Мартов, разногласия эти не такого свойства, что они могли затронуть организационное единство, т.-е. привести к расколу партии. Словом, обе стороны признавали, что, сходясь по основным программным и тактическим вопросам, они расходятся лишь в понимании организационных задач партии, или, говоря словами Ленина, что «это разногласие, хотя оно и вызывает принципиальные оттенки, никоим образом не могло вызвать того расхождения, которое состоялось после съезда».

Если расхождение все же последовало, то к этому привели не «оттенки», а те действительные разногласия, которые скрывались за «оттенками» и, которые придавали иной характер самому разногласию по организационному вопросу. Дело в том, что наряду с искровским большинством на съезде было правое меньшинство, в которое входили рабочедельцы и право-настроенный «Бунд». Это правое крыло составляло оппозицию при обсуждении программы, но последнюю исправить в своем духе ему не удалось, так как по основным вопросам между искровцами царил единодушие и сплоченное большинство их не могло быть поколеблено. Но правому удалось перевес тому «оттенку» в организационном вопросе, который выражала формулировка Мартовым первого параграфа партийного устава, причем они выступили против формулировки Ленина, потому что опасались усиления в центре партии и на местах искровского течения, которое было непримиримо настроено против всяких уклонов в сторону как оппортунизма, так и «кустарничества». Расхождение на съезде делалось поэтому более серьезным, ибо показы-

вало, что влияние правых элементов еще не устранено окончательно и что, сказавшись на организационном вопросе, оно может дать о себе знать и по вопросам более важным. Ленин, поэтому, в своей полемике с бывшими товарищами по редакции «Искры» указывал именно на ту опасность, которая выявилась во влиянии правого крыла съезда, и в разногласиях в «оттенках» видел признаки возможного усиления в партии оппортунистического течения.

Разногласия не в оттенках, а в принципах, обнаружились позже, в новых условиях самого движения, перед новыми задачами, которые ставились движению, когда испытанию должны были подвергнуться не только организационные, но и программно-тактические вопросы. Правильно понять и оценить значение этих разногласий можно в связи лишь с последующим ходом революционного движения, при свете заново складывавшихся условий социально-политической борьбы рабочего класса. Мы остановимся здесь поэтому лишь на одном моменте, выделить который необходимо для того, чтобы восстановить в исторической перспективе ту общую обстановку, в которой происходил второй съезд и вскрыть некоторые его особенности, оказавшие свое влияние на последующую судьбу партии.

Эта особенность заключается в переоценке значения буржуазии в предстоявшей революционной борьбе и недооценке роли крестьянства. В самом деле. Принятая съездом резолюция об отношении к либеральным партиям ставила на очередь «временные соглашения» с этими партиями. Между тем, такое соглашение не стояло на очереди. «Принимая во внимание политическую пассивность нашей либеральной буржуазии,—говорил на съезде Аксельрод,—о правильной поддержке ее РСДРП, в буквальном смысле пока что не может быть и речи». Плеханов также указывал на съезде, что резолюция обращает, главным образом, внимание на возможное соглашение, «как будто такое соглашение стоит на очереди, чего еще нет». Таким образом, резолюция, заглядывая вперед, допускала возможность, что партия вступит во временное соглашение с либеральными партиями на перечисленных в резолюции условиях. Но такая постановка вопроса, казалось, представляла собой отступление от той тактической линии, которая, по крайней мере, в основных своих чертах складывалась раньше. Мы видели, что Плеханов в 90-х годов весьма скептически относился к возможностям освободительного движения русской буржуазии и советовал не рассчитывать на людей, которые «сами на себя никогда не рассчитывали». Отводя рабочему классу руководящую роль в борьбе с самодержавием, Плеханов, конечно, признавал, что пролетариат должен поддерживать всякое революционное и оппозиционное движение, но вместе с тем продолжал трезво смотреть на революционную роль буржуазии. Плеханов писал об этом времени (в 1910 г.): «Что касается буржуазии, то мы не питали преувеличенных надежд насчет ее будущей политиче-

ской самостоятельности, хотя, по правде сказать, мы не ожидали от нее такой дрянности и ограниченности, какие она обнаруживала впоследствии». В связи с таким взглядом на значение буржуазии в революционной борьбе находилась и точка зрения Аксельрода на методы «поддержки» либеральных партий, точка зрения, долгое время господствовавшая в русской социал-демократии. Уже в послесловии к брошюре «Об агитации» (1896 г.) Аксельрод доказывал, что «тактика в широком смысле имеет целью не только увеличение числа приверженцев партии внутри представляемого ими класса, не только организацию его для борьбы против угнетателей, но и эксплуатацию взаимных отношений и потребностей других классов в интересах объединения и увеличения оборонительных и наступательных средств, необходимых ему для этой борьбы». Позже Аксельрод ту же мысль выразил иначе, когда писал в 1899 г., что воздействие на либеральное движение всецело определяется содержанием социал-демократической работы в самом пролетариате, т. е. в постановке в центре борьбы рабочего класса задачи общенародного освобождения. Таким образом, не предполагалось, что социал-демократия должна сбросить со счетов движение не-пролетарских элементов или должна идти по пути, который привел бы к политическому изолированию пролетариата в его борьбе с самодержавием. Напротив, в своей борьбе рабочий класс должен иметь в виду освободительное движение других классов, но «поддержка», которую он должен был этим классам оказать, разумелась не путем сотрудничества или соглашения с ними, а путем расширения задач революционной борьбы самого пролетариата до задач общенародного освобождения, как и освободительное движение других классов должно было быть использовано не для того, чтобы сеять иллюзию о революционности этих классов, но для того, чтобы использовать это движение для развития революционной самостоятельности и политической самостоятельности рабочего класса.

Такова была господствовавшая точка зрения. Она складывалась в то время, когда движение либеральной буржуазии только намечалось и когда еще не легко было предвидеть ту «дрянность и ограниченность», о которой писал Плеханов. Характерно в этом отношении, что даже основатели «Искры» не сразу порвали со Струве, хотя вели с ним до того резкую полемику: Струве участвует в выработке плана «Искры», с ним ведутся переговоры об участии его в газете. Окончательный разрыв наступил, впрочем, очень скоро и мы видели, что «Искра» заняла по отношению к Струве и его органу непримиримую позицию, которая нашла свое отражение в резолюции Плеханова об отношении к либеральным партиям. С другой стороны, мы знаем, что к началу девятидесятых годов оживилось и оформилось мелко-буржуазное движение (возрождавшееся народничество) и буржуазно-демократическое течение (Струве), а вместе с тем вполне реальной стала и опасность подчинения рабочего движения чуждой

ему идеологии. Оппортунистические элементы в партии, еще не изжившие «экономизма», получили новое подкрепление в том влиянии, которое шло от мелко-буржуазного движения. Если в пору расцвета «экономизма» задача политической борьбы подбрасывалась либеральной буржуазии, а на долю рабочих оставалась экономическая борьба, то теперь, когда политика со всех сторон врывалась в рабочее движение, задачи политической борьбы рабочего класса принимались, но только при поддержке им либерально-конституционного движения. Общее оживление политической борьбы в стране, вовлечение в нее новых общественных элементов понималось не в смысле неизбежности классовой борьбы и необходимости выдвигания как общенародных, так и в особенности самостоятельно классовых задач рабочего класса, но в смысле притупления классовой борьбы. Создавалась вместе с тем иллюзия, что в грядущей революции русской буржуазии суждено играть революционную роль, а иллюзия эта приводила к вредному и наивному предположению, что либеральные и либерально-демократические течения в борьбе с самодержавием станут на точку зрения социал-демократии, а не наоборот, что социал-демократия, вступая в соглашение с этими течениями, должна будет сама, в конце концов, в той или иной мере принять их точку зрения. Резолюция съезда, допускавшая временные соглашения с либералами, давала пути для выражения этого правого уклона.

С другой стороны, несмотря на то, что вопросу о крестьянстве «Искра» уделяла не мало внимания, постановка его не обещала помощи за жизнью и не соответствовала ближайшим перспективам революционного движения. Мы видели, что аграрная часть программы, принятой на съезде, как и позиция в этом вопросе «Искры», рассматривали крестьянские нужды и крестьянское движение с точки зрения уничтожения крепостнических пережитков, роста в связи с этим уничтожением капиталистических отношений и классовой борьбы в деревне; поэтому программа требовала возвращения крестьянам «отрезков», а также выкупных и оброчных платежей, и только для этой последней цели требовала конфискации монастырских, церковных и т. п. земель, не предусматривая перехода в руки крестьян помещичьей земли путем ее конфискации. Конечно, точка зрения уничтожения крепостнических остатков и развязывания процесса капиталистического развития была правильна, но и она допускала иные выводы. Плеханов понимал это, когда писал, что «в революционную эпоху экспроприация крупных землевладельцев может явиться у нас необходимым условием социально-политической победы революционной партии. Но—добавлял он—это вопрос совсем другой. Его постановка и его решение будет обуславливаться соотношением общественных сил в такую эпоху». Это верно. Но разве программа партии не должна была иметь в виду именно революционную эпоху? Разве возвращение крестьянам отрезков, кон-

фискация монастырских и т. п. земель, точно также как и политические требования программы, не предполагали для своего осуществления победы революции того или иного размаха? И если в революционную эпоху экспроприация крупных землевладельцев могла быть необходимым условием победы революционной партии, то почему в предвидении этого не указывалось на такую возможность? Плеханов отвечал на это: будет ли поставлен и как будет поставлен вопрос об экспроприации крупных землевладельцев,—будет зависеть от того, как сложится соотношение общественных сил в революционную эпоху. Значит ли это, что для Плеханова вопрос о том, как сложится соотношение общественных сил, оставался открытым? Конечно, не значит, и в этом вся суть дела. Очень многие исходили в то время из того, что в предстоявшей буржуазной революции соотношение общественных сил во всяком случае, не сложится в пользу крестьянства, и, стало быть, большой победой революции будет уже то, что покончено будет с крепостническими пережитками и в деревне получит простор классовая борьба. Крестьянство рассматривалось, как политически консервативная масса, которая может оказаться скорее на стороне контр-революции, отстаивающей самодержавие, чем на стороне новой демократически-республиканской государственности. При этом упускалось из виду, что именно политический консерватизм крестьянства скорее может позволить ему оставаться равнодушным к «политике», но не позволит ему быть в стороне от той «экономики», в которой оно видит весь смысл своего существования, что лозунг борьбы с крепостничеством в представлении крестьянства связан был не только с пережитками крепостнических отношений, но с господством крупного землевладения вообще, что овладение в революцию оно, прежде всего, и главнее всего, направит свою борьбу против помещиков и что, наконец, эта аграрная революция, уничтожающая материальную силу класса крупных землевладельцев, является необходимым условием действительной и решительной победы над старым порядком. Все это предсказывало иное соотношение общественных сил, в котором крестьянству не суждено будет играть пассивную роль, как и предсказывало, что характер активности крестьянства будет зависеть от того воздействия, которое окажет на него революционная борьба рабочего класса в ее программных требованиях и тактических путях.

Уже очень скоро—через год-полтора—это было признано, но не всеми и не в одинаковой мере. Пойти дальше в сторону признания положительной роли, которую призвано сыграть крестьянство в революции, и принять тактические выводы, которые вытекают из такого признания для рабочего класса и его партии, могли те, которые раньше отделались от предрассудков, преувеличивавших значение и силу либеральной буржуазии в ходе революционной борьбы. Напротив, те, кто оставался при старых взглядах на либеральное движение, и не видел нужды в пересмотре своего отноше-

ния к крестьянству, могли сделать еще новый поворот вправо. Отсюда те разногласия по действительно принципиальным вопросам крупного значения, которые обнаружались между «большевиками» и «меньшевиками» в ближайшее время—в революционную пору 1905 года—разногласия, которые сосредоточивались вокруг вопроса о поддержке либерального движения и лозунга «диктатуры пролетариата и крестьянства». Этим самым, со вторым съездом заканчивалась недолговечная на русской почве идиллия единства партии—последняя снова, как это было в пору «экономизма», разделилась на два крыла. Не касаясь здесь характеристики расколовшихся частей партии в разных их течениях, заметим, что, если «экономизм» поддерживался отсталыми настроениями рабочих масс, то теперь оппортунизм в его новой форме питался влиянием оживившегося буржуазного движения и фикцией революционной силы буржуазных элементов, и потому должен был прийти в противоречие как с ушедшими вперед настроениями рабочих масс, так и с действительным ходом развертывавшейся революционной борьбы.

Второй съезд завершил «искровский» период в истории РСДРП. Съезд подвел итоги трехлетней работе «Искры», разработанные ею программные положения сделал программой партии и обобщил ее тактические взгляды. После пятилетнего со времени первого съезда перерыва снова был поставлен на очередь вопрос об объединении всех местных организаций, но только теперь он получил практическое разрешение—и этим также выполнена была задача, которую поставила себе «Искра» с первых дней своего существования.

Забастовочным движением 1903 года и вторым съездом заканчивается длительный период нашего революционного движения, который, по отношению к следующему периоду, можно назвать в известном смысле подготовительным, периодом созревания в условиях старого порядка тех общественных классов, которым предстояло нанести удар старому строю, стать активной силой революции. 1904 год начался русско-японской войной, ускорившей созревание социально-экономических противоречий старого порядка и открывшей собой новый период—собственно революции, когда за первой схваткой с самодержавием в 1905 году, после некоторого перерыва и как непосредственное ее продолжение, последовали февральская и октябрьская революции 1917 года.

Подведем теперь некоторые итоги рассмотренному нами периоду революционного движения.

Плеханов к одной из особенностей нашего исторического процесса относил то обстоятельство, что русская промышленная буржуазия не играла той революционной роли, которую сыграла западно-европейская буржуазия. «Наша буржуазия, — писал Плеханов, — долго не чувствовала нужды в печатном выражении своих

требований, ограничиваясь непосредственными сделками с правительством, у которого она не переставала выпрашивать «субсидий», «гарантий» и покровительства «отечественной промышленности». — Это, разумеется, верно, но столь же верно, что другая особенность нашего исторического процесса заключалась в том, что буржуазные тенденции созревали в либеральных помещичьих кругах и что ту роль, какую на Западе играла промышленная буржуазия, у нас до известной степени выпала на либерально-помещичьи элементы. Эта особенность, в свою очередь вызывалась еще одной особенностью исторического процесса, тем влиянием, которое оказывал рост капитализма в России, в стране по преимуществу сельскохозяйственной на соотношение общественных классов. В то время, как развитие промышленного капитализма содействовало росту и обогащению промышленной буржуазии, проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство несло с собой разложение дворянского порядка, разорение поместного дворянства, необходимость для него приспособляться к новым условиям хозяйства, и т. п. Уже освобождение крестьян от крепостной зависимости затронуло весьма существенным образом и с разных сторон интересы поместного дворянства, в то время как промышленному капиталу оно сулило только новые выгоды. В новой пореформенной России помещичье хозяйство не переставало падать, а правительство, как оно ни старалось прийти на помощь дворянству, тем меньше могло остановить процесс «оскудения» помещиков. Поэтому никак нельзя сказать, что наши помещики не чувствовали нужды в печатном выражении своих требований. Напротив, никто не потратил так много бумаги на заявление своих требований, как помещичьи круги. Не удовлетворялись они и одним печатным выражением своих требований. Когда в начале XIX века назревает потребность перехода к буржуазным формам общественности, выразителями этой потребности выступают не купцы и фабриканты, оставшиеся тогда в непрезентабельном образе «чумазого», а более культурная часть дворянства, сама принимавшая буржуазный облик. Освобождение крестьян порождает требование конституционных реформ в тех же помещичье-дворянских кругах, они же выступают в начале 80-х, в середине 90-х, в начале девятисотых годов. Промышленная буржуазия молчит, ибо благоденствует под всяческой охраной, — рошшет, выступает на путь оппозиции буржуазно-помещичий либерализм.

Крестьянство на всем почти протяжении рассмотренного периода остается в состоянии пассивности. Стихийные взрывы крестьянских волнений накануне освобождения от крепостной зависимости сменяются длительной полосой загнанного вглубь недовольства крестьянской массы, не находящей в себе силы сбросить тяжелое ярмо крепостнических пережитков. Но отдельные, разрозненные, большей частью мелкие всплески крестьянского недовольства не прекращаются, свидетельствуя о том, что в деревне, не потухая, тлеет

искра, от которой может заняться пожар. Эти крестьянские настроения оказывали свое влияние на настроения либеральных помещичьих кругов. Если в городе классовая борьба постепенно переходила в открытые формы, то в деревне она все время носит скрытый характер, протекая в условиях неизжитых остатков крепостничества. Делая шаг вперед в борьбе с самодержавием, либеральные помещики неизменно оглядывались назад, в сторону крестьянства: опасность крестьянского восстания и черного передела помещичьей земли всегда стояла перед ними—и тогда, когда они не склонны были отказаться даже от пяди своей земли, и тогда, когда соглашались на частичное ее отчуждение. Отсюда—робость земско-либерального движения, готовность его вступить в соглашение с монархией против крестьянства, поддержать фабрикантов против рабочего движения. Поэтому либерально-помещичья буржуазия со времени декабристов не пыталась вступить на путь открытой революционной борьбы, позволяя себе лишь роскошь оппозиции, в меру той опасности, какую представляли рабочее и крестьянское движение, и не менее часто вступая на путь противодействия освободительной борьбе трудящихся масс.

В состоянии пассивности остается долгое время и рабочий класс. Процесс образования его замедляется, как недоразвитыми капиталистическими отношениями, так и, в особенности, продолжавшей тяготеть над рабочим властью земли. Если в крепостное время отношения фабрично-заводского рабочего к фабриканту заглушались отношением крепостного к помещику, то в последующее время, с падением крепостного права, рабочему удавалось лишь постепенно освобождаться от старых настроений подневольного и бесправного крестьянина. Рабочие волнения носят, поэтому, еще долгое время характер то стихийных бунтов, то робких попыток добиться от власти прекращения «притеснений» со стороны фабрикантов. О массовом пробуждении рабочих, как класса, можно говорить не ранее второй половины 80-х годов, вполне же определенно оно обозначилось лишь в следующем десятилетии.

Такое соотношение общественных классов определялось недостаточно еще развитыми капиталистическими отношениями. Но и неразвитые, эти отношения оставались *капиталистическими*. Хотя и медленно, но капиталистическое развитие страны подвигалось, разрушалось старое, полунатуральное хозяйство, расслаивалась деревня, нарастал торговый и промышленный капитал и т. д. Назревали и противоречия капиталистического порядка и, в особенности, противоречия между ростом производительных сил и формами самодержавно-полицейского государства. В отмеченных условиях соотношения общественных классов эти противоречия должны были и могли наиболее сильно сказаться лишь на настроении тех тонких слоев «высших» классов, которые быстрее и полнее приспосаблились к культуре буржуазной общественности—на настроениях ин-

теллигенции дворянско-буржуазной и, в особенности, мелко-буржуазной. Движение декабристов было первым выступлением дворянско-буржуазного либерализма, включая в себе и некоторые элементы мелко-буржуазного демократизма. Но не из этой искры суждено было разгореться пламени. Либерально-буржуазное движение, по причинам, о которых только что было сказано, скоро вошло в русло оппозиции, по общему правилу умеренной, и носителем революционного начала на долгое время оставалась разночинная интеллигенция, мелко-буржуазная по своему классовому происхождению. Так как мелкая буржуазия, в особенности ее интеллигенция, не составляет самостоятельной классовой силы, то и революционное движение ее сказывается в искании ею опоры в народных массах, главным образом, в крестьянстве, социально-экономическая же отсталость страны создает благоприятную почву для расцвета разных течений утопического социализма, которые и завладевают умами передовой интеллигенции. Почти два десятилетия не прекращаются активные попытки найти рычаг, которым можно было бы перевернуть дворянско-самодержавную Россию и совершить социалистическую революцию: условия социально-отсталой страны делают эти попытки безнадежными и не дают ничего, кроме скитаний утопически-настроенной мысли. Этот период революционного движения не прошел бесплодно: в революционной борьбе, давшей множество примеров героического самоотвержения, крепились силы революционной интеллигенции, выросал—пока еще тонкий—слой рабочей интеллигенции, создавались те революционные кадры, которым суждено было работать и действовать в более благоприятной исторической обстановке.

Но уже на первых стадиях революционного движения, несмотря на продолжавшееся господство утопических настроений, стало сказываться влияние углубления процесса капиталистического преобразования страны и оформления рабочего класса. Мы видели, что движение 70-х годов начинается с пропаганды среди рабочих, а затем на протяжении всего последующего времени делаются неоднократные попытки связать революционное движение с рабочим классом. Попытки эти не приводят к положительным, с точки зрения роста рабочего движения, результатам, так как, с одной стороны, рабочее движение остается в зародыневом состоянии, а с другой,—утопические настроения революционного народничества не дают ему возможности стать на точку зрения классовой борьбы и принять самостоятельные классовые задачи рабочего движения. Но в попытках этих нельзя все же видеть влияния на революционное движение, шедшего от рабочего класса уже в 70-х годах, как, с другой стороны, многолетняя пропаганда среди рабочих революционеров-народников закладывала свои пласты роста классового сознания рабочих и подготавливала первые передовые отряды борцов из среды самого рабочего класса. Слабые тенденции влияния роста рабочего класса на

революционное движение, сказавшиеся в движении 70-х годов, развертываются полностью позже, с дальнейшим ростом капиталистических отношений в России, когда каждое новое продвижение страны по пути капиталистического развития было вместе с тем продвижением рабочего класса в его освободительной борьбе.

Когда Плеханов указывал обозначающиеся пути социального развития России и ту роль, которую должен сыграть в освободительной борьбе рабочий класс, голос его звучал одиноко и учение его принималось, как безумие еретика. Но уже с середины 90-х годов рабочий класс не только фактически идет впереди всех прочих оппозиционных и революционных сил, но и своим движением оказывает на них решающее влияние. Движение студенческое, земско-либеральное, отчасти крестьянское получают новый размах именно в связи с борьбой рабочего класса и под ее давлением. С освободительной борьбой рабочего класса связывалось освобождение России, и помимо его не было силы, которая могла бы покончить со старым самодержавно-полицейским порядком. Оправдывалось предсказание Плеханова: революционное движение в России торжествовало, как революционное движение рабочего класса.

Вместе с тем, благодаря указанным особенностям социального развития России, под влиянием промышленной революции 90-х годов и в связи с подъемом рабочего движения на Западе, рабочий класс в своем росте обгоняет «запоздавшие» на исторической сцене буржуазные классы. Массовое выступление рабочего класса, приобретающее все большую организованность и руководимое рабочей партией, встречает буржуазию политически распыленной. Перед лицом расширяющегося рабочего движения буржуазия пытается то опереться на него в своих политических достижениях, то пойти против него; обостряющаяся классовая борьба, не предвещающая возможности буржуазного влияния на рабочий класс, не только делает оппозиционные выступления буржуазии робкими и скромными, но и толкает ее к союзу с реакционными силами того либо иного оттенка. В своей освободительной борьбе рабочий класс выступает как против самодержавия, так и против буржуазии. Если революционное движение торжествовало как революционное движение рабочего класса, то это означало вместе с тем, что и революция восторжествовала в России, как революция пролетарская.